

А. Бенуа

Мои воспоминания

Книга 4, 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А. Бенуа**
Мои воспоминания: Книга 4, 5 / А. Бенуа – М.: Книга по Требованию, 2021. – 782 с.

ISBN 978-5-517-95473-2

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1980 года

ISBN 978-5-517-95473-2

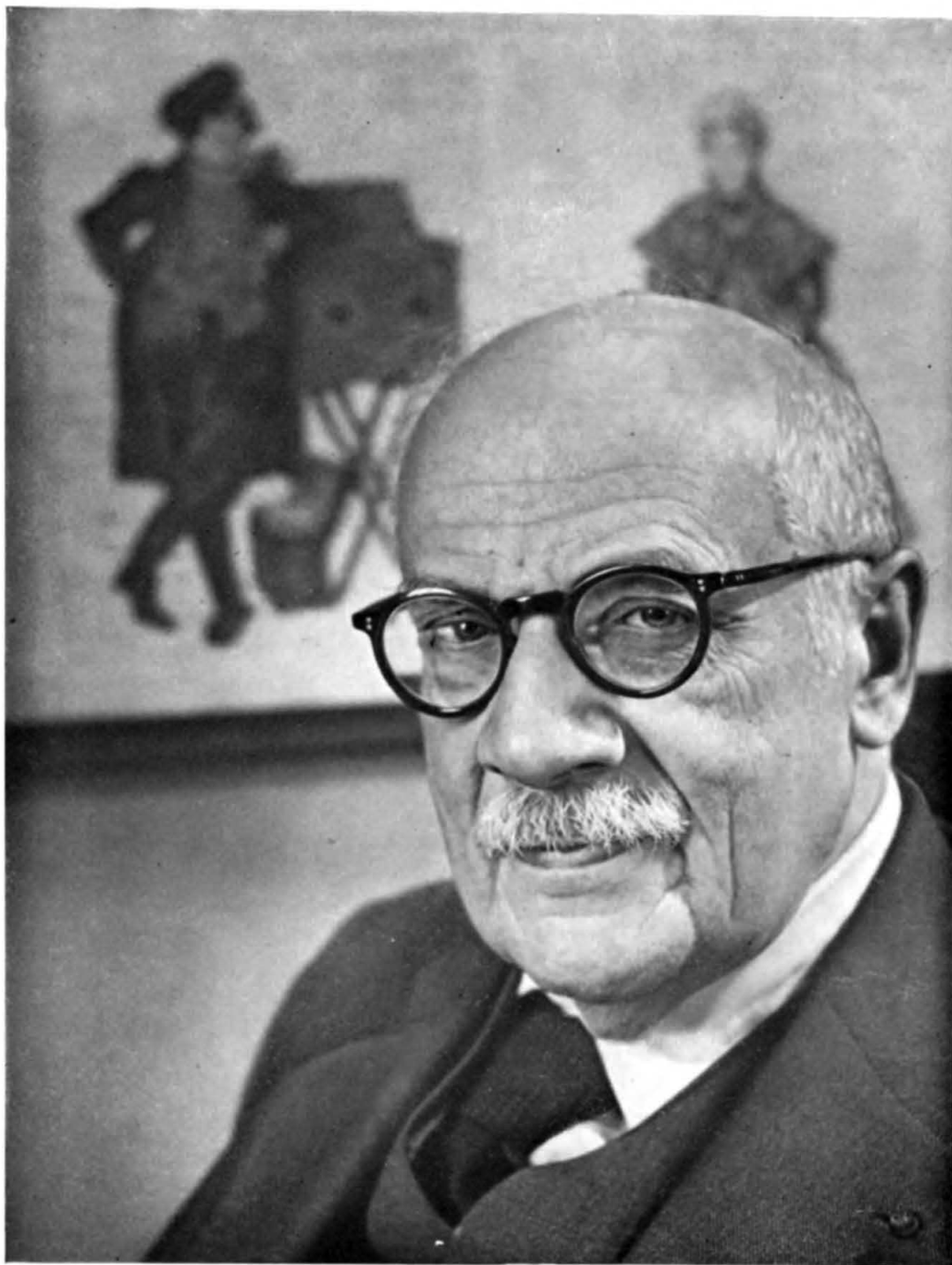
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

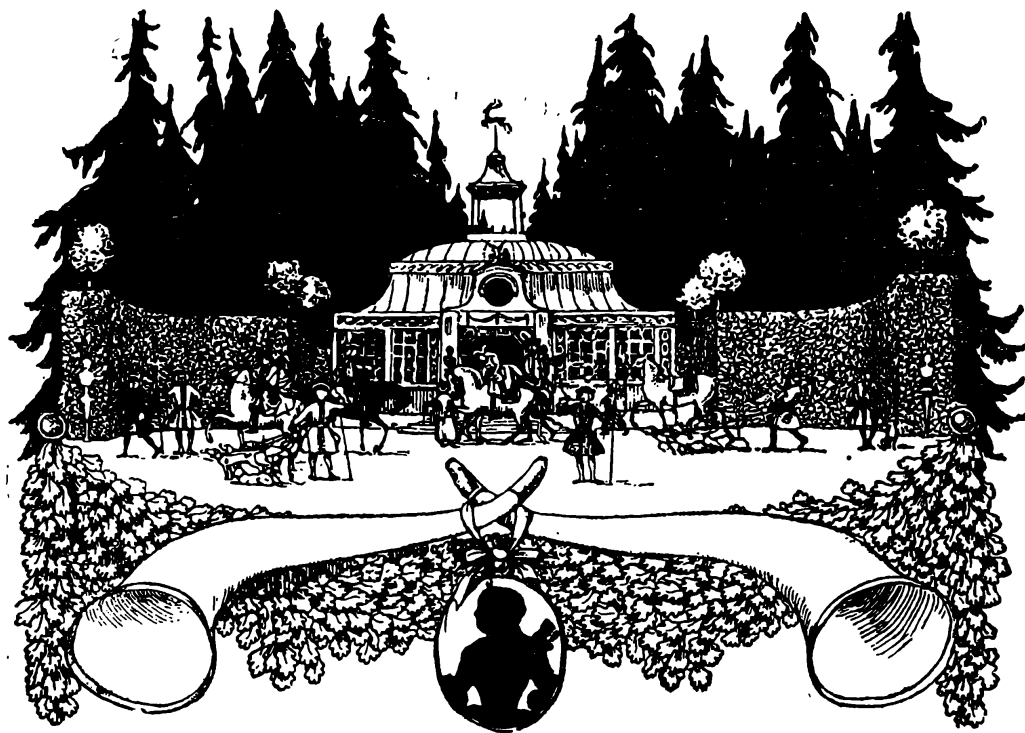
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ БЕНУА

Фот. 40-х годов

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава 1

НАШИ СТРАННЫЕ МЕДОВЫЕ МЕСЯЦЫ, БОЛЕЗНЬ «МОЛОДОЙ» И НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОНОЙ

Уже через две недели после нашей свадьбы бедная моя Атя заболела снова,— в третий раз в том же году — и, однако, это печальное само по себе обстоятельство послужило нам в конце концов на пользу и даже на радость. Благодаря этой болезни, так некстати исказившей нам первые шесть «медовых недель», они растянулись затем почти на полгода и даже украсились непредвиденным образом традиционным Voyage de nocces*.

Расскажу все по порядку. Итак, после того, что Атя на правах моей супруги поселилась в нашем родительском доме, мы зажили в нем полными хозяевами его, так как уже на следующее после свадьбы утро и папа, и Катя, и Женя — все уехали к себе на дачи в Финляндию, и в нашем распоряжении оказалась квартира в десять комнат,— для меня родная, в мельчайших закоулках знакомая, для Ати же скорее чужая. Под наше же начальство попали и две наши старые прислуги. Стали нас навещать друзья, оставшиеся на лето в Петербурге: Валечка, Бакст, Нурок. Дима и Сережа проживали уже в родовом Богдановском. Мы угощали друзей стряпней Степаниды, которая, хоть и не значилась кухаркой, однако могла бы заткнуть за пояс любую специалистку по кухонному делу. Ее супы, ее бифштексы «по-гамбургски» были настоящим объедением, только вот десерты не очень удавались; спасали ягоды и соседство знаменитой на весь Петербург кондитерской Иванова на Театральной площади, где как раз летом изготавливались изумительные сладкие пироги с земляникой и во всякое время разнообразные пирожные; последние очень крупного размера стоили всего пять копеек штука. В хорошую погоду, следуя обычаю, установленному мамочкой, мы обедали на балконе, где вдоль перил стояли цветы, а уютность сообщала опущенная белая маркиза. Странно, «смешно» и очаровательно было всё это, особенно видеть Атю в роли хозяйки нашего дома, заказывающей обед, проверяющей счета, дающей распоряжения нашим старушкам. С присущим ей тактом Атя ни в чем не меняла установленного строя, и наши прислуги это ценили, забыв прежние неприязненные чувства, которыми они было заразились от других в отношении моей избранницы.

Это блаженное состояние длилось, впрочем, недолго,— уже через четыре дня мы, не откладывая, отправились навестить наших, кого в Фин-

* Свадебным путешествием (франц.).

ляндии, кого в Петергофе. Как папина дача, так и та, на которой жил Альбер на берегах Саймонского канала, были полны молодежи, а в малом расстоянии от этих дач жили Кавосы,— мой кузен Евгений Цезаревич со своей молодой женой и с детьми, еще не вышедшими из детского возраста. Мы очень любили милейшую Екатерину Сергеевну Зарудную-Кавос (я знал ее с раннего детства), которая к тому же была вовсе не бездарной художницей и как раз в те годы переживала расцвет своего таланта. Следует также запомнить, что Женя Кавос и его жена в период нашего «родственного остракизма» были из первых наряду с Сомовыми, с Десмондами и с Обером, кто открыл нам свои двери, и раза два мы даже были приглашены на их балы, вернее, на те многолюдные и непринужденные «танцульки» (sauteries), которые происходили в обширной мастерской Екатерины Сергеевны, построенной в мансардном этаже прелестного Кавосского дома. Я особенно ценил их общество, во-первых, потому, что и Женя выказывал интерес к искусству (я уже, кажется, упомянул о затеянном им художественном издательстве¹) и потому еще, что их дом служил сборным пунктом для многих весьма интересных и значительных людей. Именно здесь я часто встречал И. Е. Репина и многих других художников; здесь же я заслушивался вдохновенных или полных каверзной иронии речей Владимира Соловьева², портрет которого, писанный Катенькой Зарудной, почитался как весьма схожий; здесь же бывал историк Бестужев-Рюмин (основатель Бестужевских курсов³), остроумнейший собеседник А. Ф. Кони, будущий «трибун» Ф. И. Родичев⁴ (женатый на сестре Екатерины Сергеевны), предводитель дворянства и археолог граф Алексей Александрович Бобринский (и его писала моя кузина) и вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой... всех не перечислить. Особенно же меня пленил брат хозяйки дома «неистовый» Саша Зарудный⁵ — впоследствии стяжавший себе славу в качестве блестящего и *благородного* адвоката и кончивший свое общественное служение на посту (не слишком удачливого) министра юстиции Временного правительства. Тогда же, в 90-х годах, «Саша» по окончании Училища правоведения только еще начинал свою карьеру. На нем мне хочется здесь остановиться. Однако я не стану касаться его общественной деятельности, а хочется занести в эти записки то, чем он меня (и многих других) пленил, почему на наших фамильных сборищах именно Саша Зарудный давал всему какой-то особый тон, оживлял и будоражил даже и самых апатичных людей.

С виду он был «жгучий брюнет», который мог вполне сойти за цыгана (почти все дети знаменитого Сергея Ивановича Зарудного, одного из создателей судебных реформ Александра II⁶, имели такой *цыганский* облик). Но этого мало: светившиеся лихорадочным блеском черные глаза Александра Сергеевича, черная, густая, довольно длинная для столь юного человека борода, странные, быстрые и какие-то «обезьяньи» ухватки, не остывавшая ни на минуту возбужденность,— все это вместе взятое вызывало тревогу, но эта тревога быстро переходила (у меня, по крайней мере) в удовольствие, как только Саша, чуть освоившись (даже

среди самых близких ему нужно было несколько минут, чтобы освоиться, «прийти в себя» и осознать вполне окружающее), входил в свою роль забавника и даже настоящего шута. С виду при этом он становился все серьезнее и даже мрачнее... В частности, Саша Зарудный был один из тех, кто обладал даром доводить меня до настоящих судорог смеха. Для этого вовсе не требовалось, чтобы он говорил какие-нибудь острые вещи, а достаточно было его «действий» и поступков, отличавшихся *подлинным комизмом*. В его крови не было ничего итальянского, но я думаю, что знаменитые Арлекины и Бригеллы итальянской комедии были такими же божьей милостью «шутами гороховыми», один выход которых повергал зрителей в повальную истерику смеха. Кстати сказать, этим же даром «натурального комизма» обладали лишь три актера: главный комик Французского Михайловского театра 80-х годов — Хитtemanс (Hittemanns), наш знаменитый Костенька Варламов и Н. Ф. Монахов. Быть может, я еще вернусь к двум последним, но на случай, если бы это не случилось, я здесь же помяну их и помяну со свойственным мне чувством *благодарности*.

Обладавший, однако, исключительным даром слова, Саша Зарудный мог в то же время быть очень опасным в серьезных спорах оппонентом, а его поразительная память хранила десятки тысяч стихов, главным образом Пушкина, которого он обожал и чуть ли не всего знал наизусть. Он мог часами разгуливать по комнатам, произнося то тихо, то с громким пафосом любимые места из «Онегина» или из «Медного всадника», причем он до одури упивался самой их музыкой!

* * *

Порядком усталые, но все же счастливые, мы вернулись из Финляндии в Петербург с намерением тотчас же приступить к визитам другим близким родственникам. Программа была очень широкая и многообразная, но нам не было суждено ее исполнить.

Начали мы этот объезд с Бобыльска близ Петергофа, с дачи брата Миши (после которой надлежало перекочевать на соседнюю дачу к брату Леонтию), но на этом объезд наш и кончился, — злая (или благодетельная?) сила, преследовавшая нас за последние месяцы, вздумала возобновить свои гадкие шутки, и на сей раз «шутки» приобрели настолько серьезный характер, что само существование моей подруги снова оказалось под угрозой.

Как раз чудесная погода, стоявшая уже несколько недель, за одну ночь резко изменилась; зарядили на целые дни дожди, изменилась и температура. Даже в уютной, добротно построенной Мишиной даче стало со дня на день сыро и неприветливо, а сад, весь в лужах, с поблекшими цветами принял самый плачевный вид. И тут, в мое отсутствие (я как раз поехал за чем-то в Петербург), Атя, которая вообще отличалась крайней беспечностью в отношении собственного здоровья, совершила вещную неосторожность. Попад в время прогулки с Мишей по пар-

ку царской «собственной дачи» под проливной дождь, она, вернувшись домой, поленилась переменить промокшее платье и обувь и просидела в них весь вечер. На следующее же утро я заметил что-то неладное. Меня поразила бледность моей жены и какой-то странно осунувшийся вид, а к полдню выяснилось, что это не простая простуда, а нечто более серьезное. Чем-то совершенно новым для нее были те боли в суставах рук, в коленях и в ступнях, на которые она теперь жаловалась, и именно загадочная новизна этих страданий и внезапное резкое повышение температуры погнали нас в город, куда Атя прибыла уже в состоянии, близком к обмороку, и где она сразу слегла. Вызванный немедленно «Люля-доктор» констатировал острую форму суставного ревматизма.

Тут была допущена еще одна оплошность. Вместо того, чтобы сразу прибегнуть к решительным мерам, «Люля-доктор», верный своему нажитому на многолетней практике скептицизму, ограничился прописанием каких-то если и безвредных, то абсолютно не полезных лекарств. Между тем, Атя не только стонала и металась, но порой и *кричала* от боли. В величайшей тревоге была и наша прислуга,— особенно Степаниду озадачивало, что «молодая барыня» ничего *не ест*. Однажды она даже рассмешила больную, явившись в мое отсутствие с огромным куском только что испеченного ею пирога, уверяя, что если бы им как следует наестся, то и болезнь прошла бы сразу. Едва ли более благоразумным был совет Обера, который, будучи сторонником гомеопатии, настоял на том, чтобы я приобрел лечебник доктора Бразоля и по этой объемистой книге, «где все так ясно сказано», попробовал бы, параллельно с лечением врача находить нужные средства для борьбы с болезнью. За изучение этого толстого тома я и принялся в наивной уверенности, что сам помогу своей жене. Разумеется, из этой дилетантской попытки ничего не вышло. Зато из Бразоля я узнал о сотнях болезней, до той поры мне неведомых, и мне стало казаться, что, «судя по симптомам», я сам то одним, то другим недугом заболеваю.

Ныне без ужаса и омерзения я не могу вспомнить об этих неделях нашего первого «медового месяца». Некоторым утешением и приободрением служили мне частые приезды с далекой Кушелевки доброй моей Камешеньки, которая с полным самопожертвованием ухаживала за Атей и помогала мне вести хозяйство. Особенно мучительны были ночи и для больной, которая из-за страданий не могла заснуть, и для нас, не знавших, как ей помочь. И все же ни в ком из нас еще не зарождалось сознания опасности, и никому не приходило в голову, что следовало бы обратиться к другому врачу. Тут как раз кончился летний отпуск папы, он вернулся с дачи, и его сразу поразила перемена, происшедшая во внешнем виде его новой невестки. Уже через день после своего возвращения он в необычный утренний час вошел вместе с Альбером ко мне в мой кабинет (где я спал с момента заболевания Ати), и оба стали меня «приготавливать к худшему». Папочка даже прямо заявил, что у «Атеньки» совсем такой вид, какой был у Марии Викторовны, когда она умирала. Я решительно отверг мысль о таком близком роковом исходе, однако этот

шаг папы и Альбера настроил меня на какой-то более решительный лад, а потому, когда в тот же день забежавший ко мне Бакст стал рассказывать о «чудесах», творимых его знакомым молодым врачом Л. М. Клячко, я, не откладывая, попросил Левушку тотчас же к нам его привести. В тот же вечер Клячко был у нас и произвел наилучшее впечатление всеми своими распоряжениями и своим авторитетным безапелляционным тоном. Он скорее отдавал приказания, нежели советовал, и это явилось полным контрастом бедному нашему «слишком уж домашнему» врачу-кузену. Превосходное впечатление этот молодой, но уже опытный и полный бодрости человек произвел и на больную. Особенно нас поразили его быстрые, как бы «осмысленные» руки. Атя глядела на него с верой, улыбаясь (чего уже давно не было) на его шутки (шутить с больными входило в приемы Клячко) и беспрекословно подчинилась всем его распоряжениям.

Подчинились и все мы. Эти распоряжения взбудоражили все наше чуть сонное царство. Первый приказ Клячко заключался в том, чтобы без малейшей проволоочки перевести больную в одну из комнат, выходящих на солнечную сторону, причем он сам выбрал мой бывший кабинет, иначе говоря, «Красную» комнату, выходящую окнами во двор, на юго-запад. Ольгу же Ивановну больше всего потрясло то, что доктор велел там сразу затопить камин («как так? — среди лета в жаркий день тратить дрова и уголь!»). А затем Клячко тут же выработал и записал целый режим, — что есть, что пить, от чего воздерживаться. В качестве же основного медикамента он предписал салиперин, который он предпочитал чистому салицилу, так как опасался осложнений со стороны сердца. Но самое замечательное в этих «приказах» доктора касалось того, что должно было произойти *после* выздоровления моей жены (в чем он, видимо, несколько не сомневался). Все тем же тоном диктатора, которому нельзя перечить, он постановил, что как только Анна Карловна дней через десять поправится и наберется сил, она должна будет немедленно покинуть Петербург и отправиться... за границу, в Висбаден; после же полного курса лечения в шесть недель в Висбадене он предписал ей *Nachkur** «на виноград» (эти слова звучали у него особенно эффектно благодаря его типичному еврейскому картавлению) на берег Средиземного моря — лучше всего куда-нибудь в окрестности Генуи... Только после этого мучительный (и опасный) недуг будет окончательно и навсегда побежден!

Вся эта программа и была выполнена без малейшего отступления. И действительно, уже через два дня после того, что Атя была переведена на новое место и стала принимать салиперин, боли стихли, вернулся совершенно исчезнувший аппетит, а через еще десять дней она настолько окрепла, что мы ее (правда, все еще очень слабенькую и едва решавшуюся ступить на пол) повезли на Варшавский вокзал. И вот мы уже оба си-

* Дополнительный курс лечения (нем.).

дим на бархатных сидениях купе первого класса, окруженные нашими чемоданами, цветами и мешками со всякими угощениями, и вот уже поезд тронулся, милые лица родных и их руки, машущие платочками, поплыли в сторону, исчезли, а мы *едем*, едем *за границу*!! Не верилось... Точно сон... Осуществилась мечта, только что казавшаяся несбыточной. Папа снабдил меня достаточной суммой денег (однако наш вояж затянулся, и их не хватило, пришлось дважды просить о подкреплении), и перед нами открывались несколько месяцев не только приятной обеспеченности, но и чрезвычайного блаженства. Мысль, что я снова окажусь в Германии, а там и в Швейцарии, в Италии (!) наполняла меня восторгом...

* * *

Берлин, куда я попадал уже в третий раз, был мне хорошо знаком, но на сей раз я мог его показать своей обожаемой подруге, — той, кому я столько о нем рассказывал. Правда, она не могла быть мне теперь товарищем во всех моих пеших рысканиях по улицам и по музеям (когда мы ее устраивали в вагон, пришлось прибегнуть к помощи двух дюжих молодцов, внесших ее на руках, и то же повторилось на границе при пересадке, и в Берлине). Кроме того, Атя ощущала боли в коленях при всяких подъемах и спусках. Но самый факт, что вот она, после почти пяти лет, снова за границей, что она увидит, хотя бы из окна гостиницы или сада, или из открытой коляски, новые лица, новые одежды, новые улицы — уже это одно, при ее любви к новым впечатлениям, окрыляло ее и сообщало ей какой-то особый подъем.

Выбралась она на третий день даже и в музей, благо Museuminsel * отстоял от нашего отеля буквально в нескольких шагах, стоило только перейти набережную улицу и мост, как мы уже были в колоннаде, оцепляющей и соединяющей Старый и Новый музеи, а также Национальную галерею. Именно в эту последнюю ее особенно тянуло, — ведь в ней находилась одна из любимых (известная ей только по фотографии) картин Беклина (культ этого художника продолжал у нас быть в полном разгаре) «Die Gefilde der Seligen» ** и там же она увидела тоже хорошо ей известные по воспроизведениям и любимые картины — Менцеля, Хеннеберга, Фейербаха, Шпангенберга и многих других. Увидать все это в красках и как бы ожившим доставило Ате огромную радость, и я насилу оторвал ее от любования этими шедеврами тогдашней немецкой школы.

Потащил я ее и в тот ресторан «Лютер и Вегезер», близ Schauspielhaus'a *** и площади Жандармов, в котором когда-то бывал чуть ли не каждый вечер Э. Т. А. Гофман и где он пьянствовал со знаменитым актером Девриеном ¹. Чья-то акварель, висевшая над одним из столиков,

* Остров музеев (нем.).

** «Поля блаженных» (нем.).

*** Драматического театра (нем.).